

вызывалось совершенствованием, усложнением процесса производства, уже несоместимого с одним только грубым принуждением. Но все же надо иметь в виду, что попытки смягчить положение рабов, заинтересовать их не привели к цели, противоречий рабовладельческого способа производства не преодолели и дальнейшие достижения стали для него невозможны.

В некотором противоречии с мыслями, высказанными по поводу смягчения положения рабов, стоит утверждение автора, что повышение нормы эксплуатации рабов в связанных с рынком виллах шло не только за счет интенсификации их труда, но и за счет максимальной экономии на их содержании. Такая экономия была свойственна ранним стадиям развития рабовладения. Постепенно же господа стали сознавать, что она оборачивается убытком, поскольку раб, чтобы приносить доход, должен был быть физически, а по возможности и морально, в «хорошей форме». Вряд ли, например, Катону пришло бы в голову, как то делал Колумелла, позволить уставшему рабу отлежаться в больнице. И вряд ли, с другой стороны, Колумелла не больше Катона заботился о физическом благополучии своих работников. А включение в инвентарь имения довольно многочисленного обслуживающего персонала, в том числе и стряпух, показывает, что о питании рабов теперь заботились больше, чем раньше, когда рабам выдавали их паек с тем, чтобы они сами готовили себе пищу. В этом смысле, видимо, разница между методами Катона и собственников I в. н. э. была столь же велика, как и в отношении к духовным запросам рабов: Катон считал, что раб должен либо работать, либо спать, господин же I в. н. э. организовывал для рабов коллегии (и не только в латифундиях, как пишет В. И. Кузищин, но и в средних виллах), позволял им занимать в коллегиях выборные должности, участвовать в культах не только домашних, но и общеримских богов, праздновать сатурналии, видимо, особенно распространившиеся как рабский праздник именно в это время, и т. п. Смягчение положения рабов, начавшееся в I в., было достаточно реально, но преодолеть усиливавшиеся противоречия рабовладельческого способа производства не смогло — взаимосвязь между этими явлениями была более сложной.

Приведенные возражения, также могущие быть оспоренными, несколько не влияют на уже приведенную выше высокую оценку книг В. И. Кузищина, которые, несомненно, станут отправной точкой и превосходной базой для дальнейших исследований социально-экономической и политической истории Рима.

Е. М. Штаерман

Э. И. СОЛОМОННИК, Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лapidарные надписи, Киев, 1973, «Наукова думка», 283 стр.

Появление каждого нового сборника надписей или монографического их исследования всегда приятное событие в мире эпиграфики. Издания такого рода вводят в круг письменных источников новые, порой весьма значительные документы, а также улучшают чтение, датировку и комментарий старых, уже опубликованных ранее эпиграфических памятников. Поэтому нельзя не приветствовать выпуск в свет нового сборника специалиста по эпиграфике Херсонеса Э. И. Соломонник. Этот сборник — второй по счету; первый был опубликован под омонимичным заглавием в 1964 г. Оба издания примерно равны по объему: первое включает в себя 108, а второе — 90 документов. Новый сборник продолжает нумерацию старого, что — замечу сразу — создает некоторое неудобство при цитировании; вероятно, целесообразнее было бы поставить на титульном листе новой публикации, отделенной от первой почти десятилетним промежутком времени, цифру II.

Э. И. Соломонник публикует много новых надписей и их фрагментов, особенно в разделе «Надгробия», но не меньшее их число переиздается. Это в основном документы,

включенные В. В. Латышевым в IOSPE, I². Большой и кропотливый труд в лапидарии и архиве Херсонесского музея позволил автору на основании сличения характера материала, обработки и размеров плит, размеров букв и их палеографических признаков объединить разрозненные фрагменты (*membra disjecta*), а некоторые даже соединить в контакте. Необходимо заметить, что по количеству соединяющихся фрагментов Херсонес заметно превосходит другие центры античной культуры Северного Причерноморья, например Ольвию или Боспор, где работа, ведущаяся в последнее время в этом направлении, не дает таких внушительных результатов. Подобное положение объясняется, вероятно, тем, что Херсонес как город не прекратил своего существования с гибелью античной цивилизации; христиане же, с одной стороны, уничтожили памятники греческой и римской культуры, с другой — очень часто использовали камни с надписями, особенно мраморные, в своих постройках, погребальных сооружениях и предметах культа. Поэтому античные памятники оказались разбитыми по разным более поздним объектам, находящимся порой на довольно большом расстоянии друг от друга. Работа по их объединению очень важна, так как она, уменьшая количественно наличный эпиграфический фонд, во много раз увеличивает его содержательность вообще и репрезентативность и надежность реконструкции отдельных текстов в частности.

Сборник состоит из введения, шести разделов, соответствующих определенным рядам документов: I. Декреты и почетные надписи, II. Надписи культового характера, III. Агонистические каталоги, IV. Строительные надписи, V. Надгробия, VI. Латинские надписи, и заключения. Закрывают книгу индексы (именной, географической, указатель имен богов, список учреждений, должностей и т. п. и *notabilia varia*).

Настоящее издание Э. И. Соломоник, как, впрочем, и другие ее работы, характеризует тщательность и скрупулезность предварительной обработки памятника, что называется «*in Felde*», а также выполненные на серьезном научном уровне чтение и интерпретация текста. Высокой оценки заслуживает и содержательный комментарий, не ограничивающийся констатацией выводов, плавающих на поверхности, но всегда стремящийся вписать новый документ в широкий культурно-исторический фон.

Однако несколько не умаляя достоинств ни самого автора, ни исследуемого им материала, я склонен полагать, что в интересах того и другого следует дать не панегирический¹, а критический обзор работы, от которого изучение эпиграфических источников только выиграет. Постараюсь представить такой обзор, следуя номерам издаваемых документов.

№ 109. На камне со строительной надписью IOSPE, I², № 439 автором разобрана более ранняя надпись, относящаяся к III—II вв. до н. э. Текст, состоящий из двух независимых частей по две строки каждая, читается с трудом, однако можно разобрать слова ὁ δᾶμος и ῥο]λβιπ[ο]λιτ. Издатель справедливо считает надпись почетной, полагая, что она поставлена от имени народа херсонеситов в честь неизвестного ольвиополита. Однако сохранившиеся остатки букв наводят меня на мысль, что оба текста были одинакового содержания и должны читаться следующим образом:

ὁ δᾶμος	ῥο]λβιπ[ο]λιτ
ὁ ῥο]λβι[ο](πρ)λιτ[ων]	ῥο]λβιπ[ο]λιτ- [των ὁ δᾶμος

Таким образом, я прихожу к несколько иной интерпретации, которая резервирована и издателем (стр. 12, прим. 2): памятник представлял собой постамент статуи, поставленной не херсонеситами ольвиополиту, а *vice versa* — ольвийским демосом в честь неизвестного гражданина Херсонеса. Осмотр оригинала в ГИМ показал, что обе надписи были помещены в рельефно исполненных венках, следы которых (особенно левого) и сейчас достаточно отчетливо проглядываются на камне. Такая манера имеет достаточно прецедентов как в ольвийских (IOSPE, I², № 279, ср. № 198 и HO № 41), так и в херсонесских документах (IOSPE, I², № 418—420, 423, 424, 426, 427, 585). По-

¹ Подобно рецензии И. И. Андрейчука на первый сборник Э. И. Соломоник, помещенной в ВДИ, 1967, № 4, стр. 164—167.

сколько оба текста составлены на дорийском диалекте, местом изготовления памятника был Херсонес. Тогда — если принять предлагаемую интерпретацию — следует думать, что ольвиополиты выпесли в честь неизвестного херсонесита решение о награждении его статуей, причем копия псефизмы (*ἀντίγραφον*) препроводили на родину чествуемого вместе с просьбой к властям Херсонеса о постановке статуи ему же в его родном городе². Как это часто бывало в эллинистическое время³, статуя была поставлена неизвестным эвергетом за собственный счет или по крайней мере ольвиополиты выделили ему на это определенную сумму, что и обусловило появление надписи на дорийском диалекте.

№ 112. На основании объединения трех фрагментов, изданных В. В. Латышевым под разными номерами, и одного обломка, опубликованного А. К. Тахтаем, издатель убедительно восстанавливает клаузулу проксенического декрета, содержащую главным образом список τῶν σφραγισμένων. На основании сопоставления надписи с двумя другими псефизмами (IOSPE, I², № 359; ВДИ, 1960, № 3, стр. 154 сл.) автор уверенно датирует реконструированный декрет примерно на 10 лет позже двух предыдущих, т. е. около 140 г. н. э. Важным оказалось то, что список лиц, скрепивших документ печатями, также был поделен на три столбца (στήλαι), но имел в отличие от предшествовавших не 24, а 39 имен (включая Деву). Изменилось и число должностных лиц: при том, что осталось шесть архонтов, уменьшилось количество номофилаков (один вместо трех), а продик исчез вовсе. Исследователь сопоставляет в таблицах *cursus honorum* отдельных лиц и убедительно связывает произошедшие изменения с дальнейшим развитием аристократизации и олигархизации государственного строя Херсонеса.

Основные наблюдения автора бесспорны, замечания вызывают лишь частности. Э. И. Соломоник пишет (стр. 31): «Возросшая власть секретаря Совета выразилась в том, что почти везде, особенно в городах Малой Азии, секретарь стал эпонимом». Однако следует оговорить, что появление секретаря в прескриптах декретов (в конструкции *gen. abs.*) еще не заставляет считать его эпонимом — подлинная эпонимия Херсонеса римского времени была представлена в основном Девой, с указанием на годы ее царствования, или изредка жрецами Девы (см. ниже). Едва ли оправданно также и скептическое отношение автора (стр. 32, прим. 46) к весьма вероятной гипотезе В. И. Кадеева о том, что в Херсонесе, как и во многих других дорийских колониях, существовало три филы⁴. В. И. Кадеев высказал предположение, что 12 человек без указания должности из числа скрепивших печатями декрет в честь Папия, сына Гераклеона (ВДИ, 1960, № 3), были представителями трех фил по четыре человека от каждой. Критические замечания Э. И. Соломоник сводятся к следующему: 1) в декрете 129/30 г. (IOSPE, I², № 359) не 12, а 13 человек без указания магистратур, хотя общее число в списке и количество лиц в каждом ряду сохраняется; 2) в декрете № 112 их 29 человек; 3) по указанию К. Ханеля, в римский период в Геракле было не меньше пяти фил.

По этому поводу следует заметить, что в декрете IOSPE, I², № 359, как справедливо указал В. И. Кадеев⁵, неполностью представлены архонты. Можно думать, что один из архонтов умер до исполнения им срока должности и потому эта коллегия состоит здесь не из шести, а лишь из пяти лиц. В декрете же № 112 не 29, а 30 человек без указания должности, поскольку Э. И. Соломоник не учла при подсчете лакуну в стк. 13 перед Ἐρμολλῆς Ἀπολλωνίου, где не могло стоять ничего другого, кроме целого имени с отчеством. Наконец, количество фил в Геракле римского времени не может служить серьезным опровержением, поскольку в то время, когда Гераклея выводила свою колонию, фил было три и при всей общности судеб развития частных моментов государственности в метрополии и апоикии могло идти и шло своим путем,

² Подобная практика хорошо известна, см. G. Klaffenbach, *Griechische Epigraphik*, Göttingen², 1966, стр. 66.

³ Там же, стр. 66, 80.

⁴ В. И. Кадеев, К вопросу о составе херсонесского совета (ἡ βουλή) в первых веках нашей эры, ВДИ, 1971, № 3, стр. 127—130.

⁵ Там же, стр. 129, прим. 18.

ными словами, в Херсонесе и в римское время могло сохраниться три филы. Более того, декрет № 112 только подкрепляет гипотезу В. И. Кадеева, так как 30 человек без указания должности могли быть представителями трех фил по 10 человек от каждой⁶.

№ 125. Впервые издается мраморный четырехугольный алтарь с посвятельной надписью III в. до н. э. Алтарь использовался в средневековое время как чаша для святой воды, поэтому языческая надпись оказалась сбитой — она восстанавливается издателем при помощи калькирования остатков букв. В первых двух строках Э. И. Соломоник довольно убедительно разобрала имя дедиканта: Ἀρχι[ε]στῶ Ιπ . . . λ[ι]ος Σωπ[ι]λοῦς γυγά⁷. Но главный слух вотива в имени божества, которому он посвящался. В чтении эпиклезы — Σωπ[ε]ρ[ρ]α, сомневаться не приходится, первые же буквы издатель читает, как ἐ[ε]ρ[ρ]α[ι]. Однако при таком чтении мы сразу сталкиваемся с весьма существенной трудностью, осознаваемой и автором, замечаящим, что «рядом с именем божества ἐρρῶс как определение... не встречается» (стр. 82). Э. И. Соломоник смогла привести лишь один пример: в метрическом посвящении с Родоса ἐρρῶс сочетается с Σωπ[ε]ρ[ρ]α и тремя другими эпиклезами, по всей вероятности, Артемиды (стр. 81, прим. 83). Эта надпись, видимо, и заставила издателя считать, что и в данном случае алтарь был посвящен Артемиде. Тем не менее постановка ἐρρῶс перед эпиклезой богини, да еще и без имени последней, если и может быть как-то оправданной в стихотворном тексте, в прозаическом же выглядит маловероятной.

Все затруднения были бы разрешены, если прочесть первое слово стк. 3 как Ἐρρῶс; тогда перед нами посвящение Гере Спасительнице. Хотя ни одного лапидарного вотива Гере в Херсонесе пока не найдено, о распространенности ее культа можно судить по многочисленным теофорным именам (см. стр. 262). Разумеется, без визуального осмотра камня я не берусь решать вопрос положительно в ту или иную сторону, однако замечу, что не следует слишком переоценивать метод калькирования остатков букв в разрезе.

Издатель не ограничивается констатацией значения нового памятника для истории культов Херсонеса, но идет дальше, выдвигая следующую историческую интерпретацию (стр. 82—87). Культ Сотейры в Херсонесе ввели после избавления от какой-то

⁶ Пользуясь случаем, должен заметить, что вызывает возражения другая гипотеза В. И. Кадеева: в состав херсонесского Совета входили не все лица, скреплявшие печатями декреты (как думал Е. Г. Суворов), а лишь те, которые фигурируют в списке без указания должностей (ук. соч., стр. 128 сл.). Хотя Е. Г. Суворов и не аргументировал свою догадку, в ее пользу говорят следующие соображения. Во-первых, численный состав Совета для каждого определенного времени должен был быть фиксированным. Но если принять гипотезу В. И. Кадеева, то выходит, что в 129/30 г. после смерти одного из архонтов (см. выше) херсонеситы по непонятным причинам расширили свою βουλή на одного члена. Этот вопрос и вытекающие из него противоречия разрешаются, если встать на позиции Е. Г. Суворова: после кончины одного из архонтов власти Херсонеса для сохранения постоянного состава Совета (23 лица + жрец Девы?) баллотировали в него еще одного члена. Во-вторых, если бы должностные лица не входили в Совет, то скорее следовало бы ожидать, что они будут как-то компактно сгруппированы внутри списка; мы же видим по трем документам, что они, напротив, перемешаны там с лицами, не замещавшими магистратур. Наконец, немаловажным фактором является и то, что секретарь Совета (ὁ γραμματεὺς τῆς βουλῆς) постоянно занимает в списке последнее место. Это наводит на мысль, что он замыкал собой список членов в с е г о Совета, подобно тому, как он часто завершал список членов какой-либо коллегии (например, коллеги ситонов в Ольвии — НО № 72). Не все вопросы, связанные с херсонесской буле, могут считаться разрешенными, однако приведенные аргументы заставляют полагать, что в решении указанного аспекта гипотеза Е. Г. Суворова выглядит более продуктивной.

⁷ Замечу, кстати, что имя Ἀρχεστῶ не обязательно должно быть, как думает издатель, иного корня, чем засвидетельствованное в Херсонесе и синхронное ему Ἀρχεστῶ, скорее это модификация от одного корня ἀρχ-, возникшая в результате дистантно-ассимиляционного воздействия стоящего рядом аспирата, ср. Ἀρχάθαρκος в письме Артигона (В. В. Латышев, ИАР, 10, 1904, стр. 11, 13 = Syll. ³, № 1260), а также ἀρχεθέωρος и т. п. (см. К. В r u g m a n n, А. Т h u m b, Griechische Grammatik, München ⁴, 1913, стр. 122).

серьезной внешнеполитической опасности, например после отражения наступления скифов или других варварских племен (ср. стр. 263). Автор вводит в действие обширную аргументацию: аналогии из других мест и свидетельства о связях с Дельфами, анализ двух херсонесских надписей (IOSPE, I², № 343 и 346) и ссылку на местного историка Сирииска, апотропеические свойства лавра и кровавые жертвоприношения в честь Девы-Артемиды, монетные клады, рассказ Полиена об Амаге, гераклейский календарь, имя в эпитафии римского времени и многое другое, однако основа, на которой базируется вся интерпретация, содержится в следующей фразе (стр. 82): «Вообще культ Сотейры вводили после спасения войска или города от серьезной опасности в знак благодарности богине, которую считали победительницей».

Я ни в коей мере не собираюсь оспаривать этот тезис, как и ту картину внешнеполитического положения Херсонеса в III в. до н. э., которую нарисовала Э. И. Соломоник, но хочу только заметить, что, в частности, богам-спасителям делали приношения ч а с т н ы е лица за избавление от каких-либо л и ч н о пережитых опасностей, как-то: за спасение на море, исцеление от тяжелого недуга и т. п. Ведь надпись не дает ни малейшего указания на то, что упоминаемая в ней богиня-спасительница хоть каким-то образом связана с государственным культом, более того, у нас нет никаких данных о том, что дедикант — Аркесо, жена Сополия, была жрицей этой богини — она, как и неизвестный сын Герода (IOSPE, I², № 406), выступает здесь скорее всего как частное лицо. Иное дело надписи, подобные IOSPE, I², № 25, где народ ольвиополитов посвящает статую своего благодетеля Каллиника Евксенова Зевсу Сотеру, спасшему от поистине чрезвычайной опасности. Иными словами, если херсонесский декрет IOSPE, I², № 343 на самом деле повествует о повторном избавлении херсонеситов от какой-то серьезной угрозы, связанной с набегом окрестных варваров, то надпись № 125 следует исключить из числа подобных свидетельств.

№ 126. Автор публикует впервые мраморный алтарь II в. н. э. с посвящением Немезиде. В этой связи издатель возвращается к опубликованному автором этих строк и Б. Н. Граковым, ныне покойным, алтарю с посвящением Зевсу Дибераанскому⁸, которому Э. И. Соломоник подыскала еще одну аналогию среди фракийского материала, изданного в корпусе Г. Михайлова⁹. Таким образом, в настоящий момент насчитывается уже четыре посвящения этому фракийскому божеству, причем интересно, что с территории собственно Фракии происходит только два, в остальные места этот культ был занесен либо легионерами, либо, по всей вероятности, купцами.

№ 129. Э. И. Соломоник предлагает удачную эмендацию к изданной С. А. Семеновым-Зусером (Д. Л. Гринманом) надписи, которая повествует о постройке Теагеном, сыном Диогена, исполнившим должность агоранома, на собственные средства рыбного рынка (τῆν ὑψόπωλιον). В стк. 5 издатель считает необходимым вставить сказуемое ἐπέκει¹⁰ или какое-либо определение, например νέαν, чтобы лучше заполнить лауну. Однако автор не затронул две немаловажные проблемы, встающие в связи

⁸ Пользуюсь случаем дать разъяснение на замечание автора (стр. 94, прим. 145): в начале стк. 6 Б. Н. Граков и я читали обыкновенное *ρο*, что и следует из транскрипции текста. Слова же, процитированные Э. И. Соломоник, были адресованы непонятому нами знаку в конце этой строки, где издатель сборника вполне оправдано разобрал плющевый лист. Замечу также, что к другой надписи, опубликованной нами в ВДИ, 1970, № 3, стр. 127 сл. — декрету римского времени в честь неизвестного гражданина Херсонеса — принадлежит фрагмент, недавно изданный Э. И. Соломоник (НЭ. XI. 1974, стр. 33 сл., № 1). На основании визуального осмотра атрибуция произведена В. И. Кадеевым, которому автор выражает свою признательность за информацию.

⁹ Фото и данные о судьбе первого посвящения Зевсу Дибераанскому (BSN 11, 1887, стр. 374, № 38 = Inscriptions de Délos. P., 1937, № 2413), перевезенному с Миконоса на Делос, приведены недавно Ж. Маркаде (J. M a r c a d é, Au Musée de Délos, P., 1969, стр. 194, табл. I).

¹⁰ En pendent к сопоставлению этого impf. с глагольными формами сигнатур мастеров (стр. 110) см. интересное наблюдение Н. З. Куниной (сб. «Памятники античного прикладного искусства», Л., 1973, стр. 105 сл.).

с изучением этого документа. Во-первых, он датирован первой половиной II в. н. э., и здесь я целиком полагаюсь на опыт автора в херсонесской палеографии, тем более подкрепленный просопографическими наблюдениями. При этом, однако, не может быть оставлен без ответа вопрос о согласовании такой датировки с выдержанными формами койнэ текста этой надписи, ведь согласно ценному наблюдению В. В. Латышева (IOSPE, I², стр. 394), *κοινή* в Херсонесе повсеместно только со второй половины II в. н. э., что, по всей вероятности, следует связывать с появлением здесь легионеров-фракийцев¹¹. Во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что эта надпись датирована по эпонимии жреца Дионисия (?) Филаделфова, в то время как все документы этой эпохи датированы херсонесской эрой — по годам царствования Девы¹². Новый памятник показывает, что датировка по жрецу-эпониму, характерная для эллинистического времени, не полностью сдала свои позиции с введением новой херсонесской эры. Это подтверждает выдающееся положение жреца Девы в иерархической лестнице социальной верхушки римского Херсонеса и как будто оправдывает гипотезу автора (стр. 25, прим. 28), что жрец скреплял своей печатью декреты за богию.

№ 134. В строительной надписи ранневизантийского времени стк. 1 восстанавливается издателем следующим образом: Κατεσκευαζ[εθη τὸ τῆχος или τὸν πύργον. Но при пассивной конструкции сказуемого,¹³ уж, конечно, следовало бы ожидать пом. ὁ πύργος.

В разделе V Э. И. Соломоник издает серию весьма интересных документов — надгробий IV—III вв. до н. э. из раскопок башни Зенона¹⁴. Значительное число эпитафий (№ 135—176) — серьезный вклад в херсонесский просопографический фонд, разработку которого с привлечением граффити, клейм, монет и пр. автор обещает дать в будущем (стр. 262).

№ 137. Надпись Εὐβόλος | Ξένωνος издатель читает: «Эвбол, сын Ξенона». Представляется более оправданным, однако, читать здесь имя «Эвбул», что предполагает диалектальный признак *ο* = *ου*¹⁵, засвидетельствованный в херсонесской присяге (IOSPE, I², № 401.17, 22: *δαμιουργοί*, ср. № 420.4, 7; 423.4, 9; 424.4). Это предположение подкрепляется и колебанием резчика в написании первого слога этого имени: сначала он вырезал диалектальную форму *Εὐ-* (там же, § 132, 2), которую потом, переправив *οмикрон* в *ипсилон*, превратил в форму койнэ *Εὐ-*. На проверку оказывается, что чтение «Эвбул» в виде варианта уже предложил В. Н. Даниленко¹⁵, который, однако, объясняет подобный диалектализм ошибкой резчика — пропуском одной буквы.

№ 140. Имя мужа усопшей Эро издатель читает как *Ἀθναίου*, не отмечая, однако, что оно вырезано не тотчас с левого края, а отступя от него на две буквы. Чем это вызвано? Как мне кажется, это можно объяснить двояко. Во-первых, можно предположить, что с левого края камень был с самого начала поврежден, что заставило резчика отступить от края на две буквы. Однако, как отмечает и сам издатель, скол повредил и первую букву первой строки, следовательно, камень пострадал уже после составным — двучленным. Словарь Dornseiff — Hansen дает несколько двусловных собственных имен со второй основой — *αθήναιος*. Это (за исключением демотионов) следующие личные имена: *Φιλαθήναιος*, *Παναθήναιος*, *Ἀπαθήναιος*, *Μισαθήναιος*.

¹¹ См. Б. Н. Граков, Ю. Г. Виноградов, Новые надписи из Херсонеса Таврического, ВДИ, 1970, № 3, стр. 128, 133.

¹² Кроме декретов такая датировка засвидетельствована для почетных (IOSPE, I², № 430), агонистических (НЭПХ [I] № 24) и строительных надписей (IOSPE, I², № 439; НЭПХ [I] № 26: строитель — аграром!). Именно поэтому следует признать надпись НЭПХ [I] № 25, где она дополняла имя архонта-эпонима.

¹³ Изданы ею ранее в СХМ, IV, 1969, стр. 55—57.

¹⁴ А. Т h u m b, Handbuch der griechischen Dialekte, Heidelberg, 1909, стр. 418, § 132, 3.

¹⁵ В. Н. Д а н и л е н к о, Херсонесские акротерии, сб. «Античная древность и средние века», Свердловск, 1965, стр. 176, № 4.

В нашем случае по числу пропавших букв наиболее подходит Ἀπαθάναιος¹⁶. Однако все перечисленные имена связаны с Афинами как с городом или с афинянами как с его жителями. Поэтому сугубо в качестве гипотезы предлагают здесь не засвидетельствованное, как кажется, имя Δι-αθάναιος, образованное по типу Ἐρι-αφροδίτης (обе основы теофорные) или по типу Δι-αγόρας и т. п. имен с приставкой Δι-.

№ 159. Издатель транскрибирует: Ἡριόδωρος | Ἀλκίμου. Однако теофорное имя Гермодор происходит от Гермеса и потому должно начинаться с *эпсилона*, что полностью согласуется с камнем. Впрочем, здесь, вероятно, допущена опечатка — ср. Ἐριόδωρος в Указателе на стр. 277.

№ 160. Представляется излишне рискованным на основании всего лишь идентичного оформления данной стелы и предыдущей предполагать, что «неизвестные нам трагические обстоятельства одновременно оборвали жизнь этих Ромео и Джульетты античного времени» (стр. 164).

№ 169. Издатель не отмечает совершенно необычный для Херсонеса этого времени мелкий, но чрезвычайно аккуратный шрифт. По всей вероятности, здесь следует усматривать внешнее влияние, но чье — не аттическое ли?

№ 171. Автор читает: Ἡροτίμα[ς] | Ἡρονίου и отмечает в комментарии, что «в конце первой строки видна верхняя часть от Σ» (стр. 179 сл.). Тем не менее, если учитывать, что «надпись вырезана очень тонкими линиями», и даже на фотографии заметны четкие следы разметки, у меня возникает сомнение — не принята ли за верхнюю часть *сигмы* линейка разметки? Обращает на себя внимание та особенность, что данная эпитафия подобно надгробиям № 137, 142. 1—2, 143, 147, 149, 155, 161, 162.1—2, 169 рассчитана так, чтобы начала и концы имени и патронимика совпадали (ср. стр. 181, прим. 124). Иными словами, я склоняюсь в сторону девичьего имени Ἡροτίμα, окончательное же решение за осмотром камня.

№ 189. Автор публикует алтарь с латинским посвящением некоего Гая Валерия Валента, моряка Флавея Мезийского флота Юпитеру Лучшему Величайшему. Наиболее интересны в этом вотиве сткк. 5—6: *liburna Sagita*; эти слова издатель понимает как *nominativus*, подчеркивающий, по ее мнению, «стремление к лаконичности, напоминающая военный рапорт» (стр. 230). Но не исключено, а на мой взгляд, и более оправдано, видеть здесь не *nom.*, а *abl. originis* (или даже *loci*?) вместо обычного *ex* или *de* + *abl.* Такая грамматическая метаморфоза объясняется, по-видимому, поздним временем надписи (IV в. н. э.), когда появляется ряд языковых особенностей, присутствующих в вульгарной латыни: *gen.* и *acc.* на -a вм. -ae и -am; *Vales* = *Valens*, *Sagita* = *Sagitta*; *posivi* = *posuit* (отмечены автором на стр. 228).

В этой связи было бы интересно привести еще одно свидетельство о либурне — быстроходном судне, содержащееся в надписи другого центра Северного Причерноморья — Тиры¹⁷. Это фрагментарный документ III в. н. э. важен еще и тем, что он сообщает нам о функциях либуры (*λιβουρὸς*) — она, по всей видимости, эскортировала торговые транспорты (сткк. 9—13).

№ 190. Восстановление этой сильно порченной латинской надписи весьма сомнительно, поскольку из него вытекает, что лицо, поставившее монумент, служило одновременно в I Итальянском легионе и во флоте. Очень странным кажется также пропуск названия флота, причем если следовать логическому строю текста реконструкции, то скорее создается впечатление о существовании некоего *classis Herculis*, о котором из источников ничего не известно. Малоубедительна и атрибуция надписи к посвящениям, осторожнее поэтому придерживаться *ignotamus* первого издателя — М. И. Ростовцева.

¹⁶ Дорнзайф и Хансен дают это имя без цифрового индекса; это означает, что оно извлечено из лексикона Pape — Benseler или из какого-либо другого обычного греческого словаря. В третьем издании словаря Pape и Бензелера (1884 г.) такого имени не засвидетельствовано. Liddell — Scott дают Ἀπαθάναιος — *degenerate Athenians*, со ссылкой на Theopomp hist. 308, ср. Pollux III, 58.

¹⁷ P. N i c o g e s c u, Ephemeris Dacoromana, II, 1924, стр. 394 сл., № 4 = SEG, III, 2, 1929, № 565 = П. О. К а р ы ш к о в с к и й, Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды, ВДИ, 1959, № 4, стр. 115, № 3.

№ 193. Сомнительно чтение в стк. 5 h(ic) s(itus) e(st), так как курсивная форма *E*, предполагаемая издателем, находится в диссонансе со всем остальным шрифтом угловатых форм¹⁸ — более оправданно читать здесь все же *C*.

В сборнике есть ряд текстов (№ 122, 130, 131, 187, 191), настолько фрагментарно сохранившихся, что представляется более осторожным и методически более правомерным отказаться от всякого их дополнения и, подобно тому как это делал В. В. Латышев, просто отправлять их в разряд *Varia*. Например, для текста № 130 Э. И. Соломоник представлено более четырех вариантов реконструкции надписи, которую она считает строительной, причем при втором варианте: Δ[ιω]ν Δαμ[ατρ]ίω, исчезают и те критерии, по которым документ вообще можно отнести к разряду строительных, поскольку дополняется просто имя с отчеством. Здесь автор оказывается порой во второй группе исследователей, о которой писал Л. Робер, цитируемый на стр. 6.

Вызывает некоторые возражения обилие сведений и цитированной литературы, порой чрезмерное и вредящее основной задаче. Например, едва ли можно установить близкую связь между разбираемым автором мусическим каталогом римского времени и спартанскими флейтами VII в. до н. э. из святилища Артемиды Орфии (стр. 102). Тут требуется, как говорят французы, élaguer¹⁹. Иногда же встречается явление прямо противоположное: так, при публикации первого письменного свидетельства о культе Митры (№ 195), думается, нельзя было пройти мимо сводной работы В. Д. Блаватского и Г. А. Кошеленко, посвященной специально данной проблеме²⁰.

Индекс удовлетворяет современным требованиям, замечу только, что совершенно необходимо было дать конкорданцию номеров сборника с многочисленными переиздаваемыми надписями IOSPE, I². Издание выполнено на высоком полиграфическом уровне, и в этом немалая заслуга самого автора. Опечатки редки, отмечу только их нехарактерное обилие на стр. 24 в тексте надписи № 112: стк. 3 — δάμωι вм. δάμωι, стк. 8 — Ζήτος вм. Ζήθος, стк. 14 — υἱός вм. υἱός, стк. 16 — Ζήθος вм. Ζήθος, стк. 17 — Γάιος вм. Γάιος (ср. Указатель s. v. Ἰούλιος). Замечу также, что давая перевод: «явился воздающим ей подобающую благодарность ... народ херсонесский» (стр. 83), не стоит забывать, что в оригинале стоит предикативное причастие (ὁ δάμος φαίνεταί χάριν ἀποδίδούς), которое правильнее переводить: «чтобы было очевидным, что народ воздает и т. д.»

Но это все мелочи, несколько не умаляющие общей оценки книги, — сборник Э. И. Соломоник займет достойное место в отечественной эпиграфической науке и создаст вместе с первым солидную базу для переиздания херсонесского раздела IOSPE которое мы вправе ожидать от автора рецензируемой работы.

Ю. Г. Виноградов

¹⁸ Сам автор замечает (стр. 241), что лунарное *E* характерно для надписей конца II—III в., то в время как перед нами памятник I в. н. э.

¹⁹ J. et L. Robert, REG, 84, 1971, стр. 399, № 5; ср. «Автопекролог» С. А. Желева, ВДИ, 1968, № 3, стр. 157.

²⁰ W. Blawatsky, G. Kochehenko, Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire, Leiden, 1966.

V. HAAS, *Der Kult von Nerik* («Studia Pohl», 4), Roma, 1971, 341 стр.

В хеттской государственной религии отражены религиозные концепции аборигенов населения Северной Малой Азии — хаттов, народов, говоривших на анатолийских языках (хеттском, лувийском, палайском), а также следы влияний религии хурритов, вавилонян, ханааней и других народов¹.

¹ См. E. Lagache, Recherches sur les noms des dieux hittites, P., 1947; J. Maceqeen, Hittite Mythology and Hittite Monarchy, «Anatolian Studies», IX, 1959, стр. 171—188; H. G. Güterbock, The Hurrian Element in the Hittite Empire, «Cahiers d'Historie Mondiale», 2, 1954, стр. 383—394; он же, Hittite Mythology,